

Оскар Уайльд
Флорентийская трагедия

Содержание

Оскар Уайльд
Комментарии

5
29

Оскар Уайльд

Флорентийская трагедия

(Входит муж.)

СИМОНЕ

Жена моя, ты не спешишь. Не лучше ль
Бежать, встречая мужа? Вот мой плащ.
Возьми сперва мешок. Не полегчал он.
Одну лишь мантию в мехах я продал –
Сын кардинала приобрел, в надежде,
Что вскорости осиротеет.

Кто здесь?

Здесь друг с тобою. Родич наш, наверно?
Недавно возвратясь из дальних странствий,
Попал он в дом пустой! Не мог хозяин
Его приветить. О, прости мне, родич.
Дом без хозяина уныл, и чести
Лишен, совсем как чаша без вина,
Как ножны, не держащие оружия,
Заглохший вдовый сад, лишенный солнца!
Прости, прости мне, милый мой племянник!

БЬЯНКА

Не родич он и не племянник тоже.

СИМОНЕ

Не родич, не племянник? Это странно.

Так кто же он, что оказал нам честь
И посетил наш дом гостеприимный?
ГВИДО

Зовусь я Гвидо Барди.

СИМОНЕ

Что? Вы сын

Флоренции отца и властелина,
Чьего дворца серебряные башни
Отсель я вижу каждой лунной ночью?
О Гвидо Барди, здесь желанный гость вы!
Желанный дважды, ибо я надеюсь,
Что честная жена моя (она
Честна, хотя не хороша собою)
Не утомила женской болтовней вас.
ГВИДО

Твоя супруга, что красой своею
Звезд и луны сиянье затмевает,
Меня здесь так любезно принимала,
Что если ей, да и тебе угодно,
В твоём доме я стану частым гостем,
И стану утешать ее в те дни,
Когда ты будешь по делам в отъезде,
Развеивать ее тоску по мужу.
Что скажешь, друг Симоне?

СИМОНЕ

Господин мой,
Вы дарите меня такую честью,

Что мой язык, как раб, застыл, повязан,
И нужных слов он вымолвить не в силах.
Но как мне не благодарить? Всем сердцем
Благодарю.

Такими-то делами

И крепко государство: славный принц,
Великий по природе и рожденью,
Презрев слепой судьбы несправедливость,
Приходит в честный дом простолюдина
Честнейшим другом.

Все же я боюсь,

Что слишком дерзок. После, может быть,
Придете вы как друг, но в этот вечер
Пришли вы в дом ко мне как покупатель,
Не правда ль? Шелк и бархат, что угодно!

Я знаю, что найдется у меня

Товар по вкусу вашему. Уж поздно,
Но, бедные купцы, мы день и ночь
О скудной нашей прибыли радеем.

Налоги высоки по городам,

А подмастерья бестолковы. Жены –

И те не помогают! Но сегодня

Есть у меня богатый покупатель –

Благодаря жене. Не правда ль, Бьянка?

Но что я трачу время? Где мешок?

Открой его, жена. Ну, развяжи же!

Встань на колени на полу, так лучше.

Нет, нет, не тот, другой! Давай скорее!
Нетерпелив бывает покупатель.
Задерживать не смеем мы. Вот это!
Поддай, да осторожней. Вещь бесценна!
Касайся осторожней. Господин мой!..
О нет, простите. Вот! Дамаст из Лукки.
Как сплетены серебряные нити!
А розы! Надели их ароматом –
Покажутся живыми! – Прикоснитесь.
Нежней воды, прочнее стали, правда?
И розы, розы! Вышивки тончайшей.
Влюбленные в цветенье роз холмы,
У Беллосгвардо или у Фьезоле,
Я думаю, не так цветут весной –
А если так же, то их цвет недолог.
Уж такова судьба всего живого,
Танцующего средь воды иль ветра:
Сама природа губит, как Медея,
Своих детей – идет на них войною!
Но посмотрите, здесь, в дамасте этом,
Все лето, навсегда, и хладным зубом
Зима цветов прелестных не коснется.
Мне стоил золотого каждый локоть
Атласной вышивки.

ГВИДО

Мой друг Симоне,
Довольно, я прошу. Они прекрасны.

Я завтра же пришлю к тебе слугу,
И он заплатит вдвое.

СИМОНЕ

Щедрый принц!

Целую руки вам. Еще, я вспомнил,
Есть у меня сокровище; его вы
Должны увидеть: мантия вельможи.

Венецианский изготовил мастер:
Из бархата, узор на ней – гранаты,
Их семена – жемчужины, и в крупных
Жемчужинах весь воротник – крупнее,
Чем бабочки под фонарями летом,
Белее лун, увиденных безумцем.

Большой рубин углем горит в оправе –
Такого камня нет у Папы в Риме,
И в Индиях не сыщется подобный.

Сама застежка сделана искусней
Любой из чудных тех вещей, что делал
Челлини для великого Лоренцо.

Она должна быть вашей. Вы достойней
Всех в нашем городе! Сатир рогатый
Из золота на правой стороне

Преследует серебряную нимфу.
На левой стороне стоит фигурка

С кристаллом – меньше зернышка – в руке.
Она символизирует Молчанье.

Так совершенно вышита, что всякий

Готов сказать: она ведь дышит!

Бьянка!

Не правда ль, этот дорогой наряд
Синьору Гвидо должен быть к лицу?

О, попроси его! Он не откажет
Тебе ни в чем, будь велика цена,
Как выкупы, что требуют за принцев.

БЬЯНКА

Я что, твой подмастерье? Я не стану
Просить его.

ГВИДО

Прекраснейшая Бьянка,
Куплю я мантию, и все куплю,
Чем он богат. За принца платят выкуп,
И счастлив принц, которого пленил
Такой прекрасный враг.

СИМОНЕ

Вы оба правы.

А я... Но купите ли вы товар мой?
Согласны ль вы? Чтоб окупился он,
Пятидесяти тысяч крон не хватит,
Но вам отдам за сорок. Слишком много?
Свою скажите цену. Почему-то
Я в этой мантии хотел бы вас
Увидеть в окруженье дам придворных –
Цветок среди цветов!
Мне говорили,

Что вас, сиятельнейший принц, они
Повсюду окружают, будто мухи,
В надежде на вниманье ваше.

Также

Я слышал про мужей, что гордо носят
Рога: вот удивительная мода.

ГВИДО

Попридержи язык, Симоне! Верно,
Ты позабыл о даме? Для ее
Ушей нежнейших эти речи грубы.

СИМОНЕ

И правда, я забылся. Я не буду
Так говорить. Но вы, мой господин,
Купить согласны мантию, не правда ль?
Всего лишь сорок тысяч крон – пустяк
Для сына самого Джованни Барди.

ГВИДО

Договорись с моим дворецким завтра.
Его зовут Антоньо Коста. Сам он
Придет к тебе. Когда сто тысяч крон
Тебя устроят, столько ты получишь.

СИМОНЕ

Сто тысяч крон! Сто тысяч, вы сказали?
О, навсегда отныне и во всем
Я ваш должник. О да! Теперь мой дом
И все, что в нем ни есть, навеки ваше,
И только ваше!

О! Сто тысяч крон!
Возможно ль это? Стану я богаче
Всех остальных купцов. Приобрету
Сады, и виноградники, и земли.
Скуплю все мастерские от Милана
И до Сицилии! Все жемчуга
Из тихих гротов всех морей арабских!
Мой щедрый принц! Любовь моя безмерна!
Просите что хотите – все отдам вам,
Ни в чем не откажу!

ГВИДО

А если Бьянку
Я попросил бы?

СИМОНЕ

Вам шутить угодно.

Она вниманья принца недостойна.

Ее удел – домашние заботы

И пряжа. Так, жена? Не так ли? Так.

Смотри же, прялка заждалась тебя.

Садись за пряжу. Жены не должны

Сидеть без дела дома. В праздных пальцах

Родится сердце праздное. Садись же

За пряжу.

БЬЯНКА

Что мне прясть?

СИМОНЕ

О, что угодно.

Какую-нибудь мантию. В пурпурный
Окрасить цвет и в черный день надеть.
Иль одеяло с бахромою – в нем
Младенец нежеланный может плакать
Неслышим. Или саван благовонный,
Чтоб завернуть покойника. Что хочешь
Пряди, мне все равно.

БЪЯНКА

Порвалась нитка.
И колесо изношено. Не стану
Сегодня прясть.

СИМОНЕ

Сегодня или нет –
Не важно. Значит, завтра. И за пряжей
Тебя застанет новый день. Когда-то
Так и застал Лукрецию Тарквиний.
Так, может быть, Лукреция ждала
Тарквиния? О женах я слышал
Немало странного. А что там слышно
Из-за границы? В Пизе говорили,
Английские купцы хотят дешевле
Шерсть продавать, чем можно по закону,
И подали в Синьорию прошение.
Скажите, хорошо ли это? Разве
Купец купцу не брат, а волк? И разве
Возможно, чтоб пришельцы нас лишили
Законной выгоды?

ГВИДО

Что мне за дело

До выгоды купцов? Ужель я должен

Просить за вас Синьорию? Надеть

Наряд того, кто продает глупейшим

Что куплено у глупых? Нет, Симоне.

Продажа шерсти – ваше дело. Мне

Иных забот хватает.

БЪЯНКА

Господин мой,

Простите мужа моего. Душою

Он весь на рынке. По цене на шерсть

Считает он удары сердца. Все же

По-своему он честен.

Ну а ты?

Тебе не стыдно ль? Благородный принц

Пришел в наш дом, а ты его тревожишь

Своей заботой низкой. Попроси же

Прощения.

СИМОНЕ

Прошу его смиренно.

Мы о другом поговорим. Я слышал,

Король французский получил от Папы

Письмо: святейший просит короля

Пройти с войсками через снежный щит

Альпийских гор и в Италийских землях

Установить кровавый мир, похуже

Любой войны.

ГВИДО

Король французский! Вечно
Он обещает к нам прийти, и вечно
Он не приходит. Что мне до него?
Важнее мне другое, друг Симоне.

БЪЯНКА

Я думаю, ты утомляешь гостя.
Что нам король французский? Что твои
Купцы английские со всей их шерстью!

[ГВИДО

Что нам весь мир? Исчезни он совсем,
Теперь мне дела нет. И для меня
Есть только эта комната, а больше
Нет ничего, а все, что есть, не важно.]

СИМОНЕ

Есть только это? Весь огромный мир
Уменьшился до комнаты, в которой
Лишь три души? И правда, временами
Вселенная сужается, как ткань
В котле плохих красильщиков. Возможно,
Сейчас как раз такое время. Что же,
Да будет так! Пусть комната простая
Послужит нам огромной сценой, где
Монархи умирают и судьбою
Простых людей играет Бог.
Не знаю,

Зачем я это говорю. Устал я
С дороги. Трижды конь мой спотыкался –
Примета скверная.

Увы, синьор!

Как мало стоит жизнь! Как зол и грязен
Тот рынок, где торгуют нами! Плачет
Мать при рождении ребенка – смерть
Оплакать некому. Никто не плачет.

(Удаляется вглубь сцены.)

БЬЯНКА

Как грубы речи мужа моего!
Он ненавистен мне душой и телом:
Его чело, где трусости печать,
И белые, как листья тополей,
Дрожащие весной от ветра, руки,
Уста, что льют прерывистым потоком
Слова пустейшие, как воду.

ГВИДО

Бьянка,
Не стоит, милая, о нем и думать.
Не стоит он того. Он честный малый
И полон фраз, годящихся для рынка,
Чтоб продавать дороже что он ценит,
И что не ценим мы. Я не встречал
Еще глупца такой высокой пробы.

БЬЯНКА

Ах, если б смерть взяла его сейчас!

СИМОНЕ

(оборачивается)

Кто говорит о смерти? Пусть никто
Не говорит о смерти. Что ей делать
Здесь, где лишь трое муж, жена и друг
Ее могли бы встретить? Пусть приходит
В те дома, где живут прелюбодейки,
Уставшие от верности мужьям,
Предавшиеся беззаконной страсти
На ложе оскверненном и нечистом.
Да, так бывает. Это странно, но
Бывает так. Не знаете вы жизни.
Вы слишком одиноки и достойны.
Я знаю, я. Была бы жизнь иной!
Но нет, синьр, зимой приходит мудрость.
Седеет голова моя... Но полно!
Мы будем веселиться. Разве может
Не радоваться всей душой хозяин,
В чей дом желанный, благородный гость
Пришел нежданно?

(Берет лютню.)

Что это, синьор?

Вы лютню принесли, чтоб нам сыграть.
Сыграйте, милый принц. А если слишком
Я дерзок, то простите – но сыграйте.

ГВИДО

Нет, не сейчас, Симоне.

(Бьянке)

Для тебя

Одной, и звезд холодных, и ревнивой
Луны.

СИМОНЕ

Сыграйте, от души прошу вас.

Я слышал, что, перебирая струны,

Вдыхая звуки в тонкую свирель

Иль мощно дую в горло звонкой меди,

Возможно, обладая мастерством,

Привлечь и бедных узников в застенках.

Я слышал также, что волшебным звуком

Возможно отворить любые двери,

Очаровать самую невинность так,

Чтоб в пляс она пустилась, как менада.

Но что я говорю? Я знаю, лютя

У вас в руках чиста и благородна.

Сыграйте мне. Душа моя томится

В застенке. Исцелите мой недуг.

Сыграйте! Попроси же гостя, Бьянка!

БЬЯНКА

Возлюбленный наш гость, не сомневайся,

Сам выберет, когда ему играть.

Сейчас и не проси его.

ГВИДО

Симоне,

Сыграю я, но не теперь. Сегодня

Довольно мне той музыки, которой
Полны слова прекрасной Бьянки. Звук их
Всю землю заставляет обращаться
Вкруг красоты ее.

СИМОНЕ

О, вы ей льстите.

Она хорошая жена, но все же
Не блещет красотой. И, быть может,
Тем лучше.

Милый принц, вы не хотите
Играть на лютне и волшебным звуком
Мне душу исцелить, но, может быть,
Вы выпьете со мной?

(Усаживает Гвидо.)

Вот ваше место.

Ты, Бьянка, принеси мне стул. И ставни
Закрой. Не сможет любопытный мир
Подсматривать за нами в этот вечер
Глазами неучтивыми.

Синьор,

Скажите нам свой тост за полной чашей.

(Отшатывается.)

Что это за пятно? Оно пурпурно,
Как рана на груди Христа. Вино
На скатерти, и только? Я слышал,
Что есть примета: где вино разлито,
Прольется кровь. Но это вздор.

Вино

По вкусу вам, синьор? Оно пылает,
Как горы близ Неаполя. В Тоскане
У нас вино добрее.

ГВИДО

Мне по вкусу

Твое вино. И если ты позволишь,
То выпьем мы за Бьянку. Пусть она
Коснется алыми губами чаши
И подсластит вино. Попробуй, Бьянка.

(Бьянка пьет.)

О, весь сладчайший мед иблейских пчел
Перед напитком этим горек!

Друг мой,

Симоне, ты не пьешь.

СИМОНЕ

Да, это странно.

Я с вами не могу ни есть, ни пить
Сегодня вечером. Недуг какой-то
В моей крови, всегда такой спокойной,
Иль мысль какая-то, что проползает
Гадюкой, пробираясь, как безумец
Из клетки в клетку, от вина и пищи
Меня сегодня отвращает.

(Отходит в сторону.)

ГВИДО

Бьянка,

Потоки слов его мне так несносны,
Что должен я уйти. Приду я завтра.
Скажи мне час.

БЪЯНКА

Приди с зарею первой!
Пока ты не придешь, мне жизни нет.

ГВИДО

О, распусти же ночь твоих волос
И в звездах глаз твоих дай мне увидеть
Себя как в зеркале. Пусть это тень,
Но, милая, пусть я останусь в тени,
И пусть твой взор не видит ничего,
Что не напомнит обо мне. Ревную
Тебя к тому, что видишь ты.

БЪЯНКА

Поверь мне,
Твой образ будет вечно предо мною.
Любой, ничтожнейший предмет напомнит
О милом. Но прошу тебя, приди
Пока еще не пробудится мир
От песни жаворонка. Буду ждать
Я на балконе.

ГВИДО

И ко мне навстречу
Ты спустишься по лестнице из шелка,
Ступая по жемчужно-алым нитям,
Как снег спускается на розы.

БЬЯНКА

Милый,

Приду я. Я твоя, в любви и смерти.

ГВИДО

Симоне, должен я домой вернуться.

СИМОНЕ

Так скоро? Но зачем? Еще полночи

Не пробил колокол собора. Стража,

Что дует в горны на луну, еще

На башнях дремлет. О, не уходите.

Боюсь, что мы вас больше не увидим,

И этот страх мое печалит сердце.

ГВИДО

Не бойся же, Симоне. Нашей дружбе

Я буду верен. Но теперь иду я

К себе домой. Я ухожу немедленно.

До завтра, Бьянка, милая.

СИМОНЕ

Ну что же,

Да будет так. Хотелось бы мне с вами

Полней поговорить, мой новый друг,

Мой благородный гость, но нет – так нет.

К тому же ваш отец, не сомневаюсь,

Вас ждет и ждет услышать звук шагов

И голос ваш. Не правда ли, вы сын

Его единственный, нет у него детей

Других? Вы столп в дому его, цветок

Средь плевелов. Племянники его
Не любят, говорят. По крайней мере,
Так говорят. Завидуют они
Наследству вашему и в тайне смотрят
На ваши виноградники со злобой,
Как царь Ахав на землю Навуфея.
Но это только слухи, только слухи.
Прощайте, доброй ночи. Принеси
Сосновый факел, Бьянка. Не в порядке
Ступени старой лестницы. Луна
Как скряга бережет свой бледный свет,
Лицо под маской прячет, словно девка
Продажная. Сейчас я принесу вам
Ваш плащ и меч. Позвольте, господин мой,
Я прислужу вам. Вы мне оказали
Такую честь, придя в мой бедный дом,
Вина отведав моего и хлеб
Мой преломив! Теперь вы милый друг мой.
Моя жена и я, не раз мы вспомним
Прекрасный этот вечер.
Что за меч!

Феррарской стали, гибкий, как змея,
Притом куда опаснее. С таким
Клинком ничто не страшно в этой жизни.
Я не держал еще в руках такого.
Есть меч и у меня, но он ржавеет.
Мы, мирные, научены смиренью,

Научены безропотно сносить
Несправедливости и униженья.

И мы, как терпеливые жиды,
Находим в этом выгоду.

Но помню,

Однажды на дороге падуанской
Хотел мою навьюченную лошадь
Отнять грабитель. И злодею горло

Я перерезал. Я могу снести
Бесчестие, позор и оскорбленья,

Обиды и презрение. Но если

Кто у меня попробует отнять

Мое – хотя бы малую тарелку,

С которой я обедаю – о! страшной

Угрозе подвергает он и душу,

И тело, и за малый грех умрет.

Как странно мы устроены!

ГВИДО

Зачем ты

Так говоришь?

СИМОНЕ

Я думаю о том,

Чей лучше выкован клинок – мой или

Ваш, славный принц. Нельзя ли нам проверить?

Иль недостоин я сразиться с вами –

Шутя, или всерьез?

ГВИДО

Всего на свете

Сильней хотел бы я с тобой сразиться –
Шутя, или всерьез. Подай мой меч.

Свой принеси сюда. И мы проверим,
Который выкован из лучшей стали –
Меч принца или меч купца. Не так ли?
Где меч ваш, сударь? И чего вы ждете?

СИМОНЕ

Синьор, вы моему пустому дому
Великой чести много оказали,
Но эта величайшая.

Ты, Бьянка,

Подай мой меч. Стол отодвинь и стулья.
Для поединка нужно много места.
А Бьянка будет нам светить, чтоб шутка
Осталась шуткою.

БЬЯНКА

(Гвидо)

Убей его!

СИМОНЕ

Держи же факел, и свети нам, Бьянка.
(Начинают поединок.)

Так защищайтесь! Ха! Ну что?
(Гвидо ранит его.)

Царапина, пустое. Свет в глаза
Мне помешал. Не огорчайся, Бьянка.
Твой муж не сильно ранен, все пустое.

Перевяжи мне руку. Слишком туго.

Ослабь повязку и – не огорчайся,

Прошу тебя. Но нет,ними ее.

Мне рана не мешает.

(Срывает повязку.)

Ну же! Вот вам!

(Обезоруживает Гвидо.)

Вы видите, мой принц, что я был прав.

Клинок мой крепче, он из лучшей стали.

Сравним кинжалы?

БЪЯНКА

О, убей его!

СИМОНЕ

Не нужен факел. Погаси.

(Бьянка гасит факел.)

И пусть

Один из нас умрет, а может, оба,

Иль все мы трое.

(Бьянка гасит факел.)

Ну, держитесь! Вот вам!

О, дьявол! Что? Теперь ты не уйдешь!

(Симоне пересиливает Гвидо и валит его на стол.)

ГВИДО

Глупец! Прочь руки! Отпусти мне горло!

Я у отца единственный наследник,

Надежда государства, и французы

Того и ждут, чтоб род отца прервался,

Чтоб захватить Флоренцию!

СИМОНЕ

Молчи!

Бездетным твой отец счастливей будет.

А государству нашему не нужен

Прелюбодей негодный во главе.

Удобришь ты цветы его!

ГВИДО

Прочь руки!

Проклятье! Руки прочь! Пусти, сказал я!

СИМОНЕ

Нет, ты попался крепко в сеть порока.

Спасенья нет, и сжалась жизнь твоя

В одно пятно позора, и с позором

Окончится.

ГВИДО

Священника! Позволь мне

Пред смертью исповедаться!

СИМОНЕ

Зачем же?

Ты все свои грехи расскажешь Богу,

Перед которым ты сейчас предстанешь

И в первый, и в последний раз! Ему,

Кто справедливей всех, неумолимей

И милосердней всех. Что до меня...

ГВИДО

О, помоги мне, Бьянка, помоги мне!

Ты знаешь, милая, что я безвиновен!

СИМОНЕ

Еще не смолкли лживые уста?

Умри, как пес, захлебываясь лаем!

Умри! Твой труп безмолвная река

Послушно поглотит и смоет в море.

ГВИДО

О Господи, прими мой бедный дух!

(Умирает.)

СИМОНЕ

Аминь! Ее черед.

(Поднимается и смотрит на Бьянку. Она подходит к нему в изумлении, протягивая руки.)

БЬЯНКА

Зачем ты мне

Не говорил, что так силен?

СИМОНЕ

Зачем

Не говорила ты, что ты прекрасна?

(Целует ее в уста.)

ЗАНАВЕС.

Комментарии

«Флорентийская трагедия» начинается внезапно. Роберт Росс, после смерти Уайльда подготовивший ее текст к печати, назвал ее отрывком (a fragment). Вместе с тем, если не считать очевидно пропущенных строк в середине (в настоящем переводе на их место добавлены четыре строки, заключенные в квадратные скобки), вполне возможно, что «Флорентийская трагедия» – оконченное произведение. Если начало «Флорентийской трагедии» действительно существовало и было утеряно, надо признать, что она и без начала получилась довольно цельной. Из первых строк мы узнаем все, что должны знать о предыстории.

Для постановки трагедии в Лондоне в 1906 году поэт Т. Стердж Мур (Thomas Sturge Moore, 1870—1944) «реконструировал» ее начало – дописал несколько страниц, воспроизведенных в русском переводе М. Кудинова. В комментариях к этому переводу А. А. Аникст утверждает, будто Мур написал недостающие «первые пять страниц» согласно указаниям друзей Уайльда, знакомых с первоначальной рукописью. По-видимому, это не более чем легенда. Роберт Росс в предисловии к изданию «Флорентийской трагедии» и сохранившихся фрагментов другой пьесы Уайльда («La

sainte courtesane») сообщает о существовании двух почти идентичных копий (среди бумаг и в распоржении одного из знакомых Уайльда), ни одна из которых не имеет предполагаемого начала. Отсюда Росс делает вывод, что начало, по-видимому, никогда не было написано. Именно Росс передал текст «Флорентийской трагедии» для постановки Муру и театральному обществу, в котором тот состоял, поэтому едва ли Россу были неизвестны какие-то факты, касающиеся рукописи и ее дополнения. Ричард Эллман, биограф Уайльда, полагает, что «пьеса производит впечатление практически оконченной». Таким образом, вполне возможно, что дошедший до нас текст представляет собой оконченное произведение с ненаписанным или утерянным небольшим фрагментом в середине.

«Флорентийская трагедия» была создана в период с декабря 1893 года до марта 1895 года возможно, в начале 1895 года. Она была впервые представлена на сцене в Берлине в январе 1906 года.

В 1917 году в Штутгарте состоялась премьера сочиненной в 1915—1916 годах оперы «Флорентийская трагедия» («Eine florentinische Trag die») австрийского композитора Александра Цемлинского (Alexander von Zemlinsky, 1871—1942) на слова Уайльда (с небольшими сокращениями и без «реконструированного» начала) в немецком переводе. Эта опера исполняется и в наши дни.

Гвидо Барди – фамилия Барди связана с Флоренцией, хотя род Барди и не правил ею. В XIV веке разорилась богатейшая флорентийская банковская компания Барди (Compagnia dei Bardi), финансировавшая войну английского короля Эдуарда III с Францией и принимавшая участие в торговле английской шерстью; граф Джованни де Барди (1534—1612), критик, писатель и композитор, был лидером флорентийского художественного кружка Камерата, стоящего у истоков музыки барокко и жанра оперы.

Дамаст – разновидность ткани, шелковой или хлопчатобумажной, затканной узорами. Название ткани происходит от названия города Дамаск в Сирии, хотя дамаст производили и в Европе.

Беллосгардо – холм в окрестностях Флоренции, к югу от нее. Слово «bellosguardo» означает «прекрасный вид» (с холма открывается прекрасный вид на Флоренцию).

Фьезоле – городок на высоком холме в окрестностях Флоренции, к северу от нее.

Меддея – колхидская царевна, на которой женился Ясон, предводитель аргонавтов. Узнав о его измене, чтобы отомстить ему, убила обоих своих сыновей, рожденных от Ясона.

Локоть – мера длины, на Британских островах и в Западной Европе составлявшая около метра. Английский, шотландский и фламандский локти отличались

друг от друга (45, 37 и 27 дюймов, соответственно).

В Индиях – Индиями в Европе называли Ост-Индию (Восточную Индию), т. е. Индостан, Индокитай и Индонезию, в противоположность Вест-Индии (Западной Индии), т. е. островам Карибского моря, открытым Колумбом.

Челлини – Бенвенуто Челлини (1500—1571), ювелир, художник, скульптор и писатель, уроженец Флоренции.

Лоренцо – Лоренцо Медичи, Лоренцо Великолепный (1449—1492), глава Флорентийской республики, покровитель наук и искусств. Челлини родился после его смерти и служил не Лоренцо, а Алессандро Медичи (1510—1537), незаконнорожденному отпрыску рода, который приходился Лоренцо либо правнуком, либо внучатым племянником, и правил Флоренцией с 1530 по 1537 год, с 1532 года – в звании флорентийского герцога.

Лукреция – согласно Титу Ливию, жена римского патриция Коллатина, которой насильно овладел Секст Тарквиний, сын последнего римского царя Луция Тарквиния Гордого (VI век до н. э.). Тарквиний воспытал к Лукреции страстью, когда, на время вернувшись в Рим из военного лагеря вместе с Коллатином и другими военачальниками, пришел в дом Коллатина, где Лукреция сидела за пряжей (жены остальных тем временем предавались развлечениям). Вскоре он посетил Лукре-

цию как гость и ночью совершил над ней насилие, после чего бежал. Лукреция призвала мужа и его родственников к мести и покончила с собой. Мстители во главе с Луцием Юнием Брутом подняли восстание, изгнали Тарквиниев из Рима и провозгласили республику. Шекспир написал на этот сюжет поэму «The Rape of Lucrece».

Синьория – аристократическое правительство итальянского города.

Король французский получил от Папы письмо – прообразом могли послужить события, предшествовавшие Итальянским войнам. В 1489 году папа Иннокентий VIII призвал французского короля Карла VIII вступить во владение Неаполитанским королевством. В 1492 папа примирился с неаполитанским королем и отозвал свое решение, а в 1494 году умер. Но вскоре после его смерти Карл VIII вторгся в Италию и захватил Флоренцию и Неаполь. Летом 1495 года французские войска были изгнаны из Италии объединенными силами Сицилии, Милана, Венеции и Священной Римской Империи. С этого конфликта начались Итальянские войны, затронувшие многие европейские государства и продолжавшиеся до второй половины XVI века.

Мед иблейских пчел – знаменитый с древних времен сицилийский мед. Мегара Иблея (Гиблея) – древнегреческая колония на Сицилии.

Как царь Ахав на землю Навуфея – царь Израи-

ля Ахав хотел перекупить у Навуфея его виноградник, расположенный близко к царскому дому, чтобы устроить на его месте овощной сад. Навуфей отказался продать виноградник. Жена Ахава от его имени добилась казни Навуфея по ложному навету, и Ахав завладел виноградником. (3 Царств, 21.) В 1897 году Уайльд собирался написать на этот сюжет пьесу, но так и не написал ее.

Ты знаешь, милая, что я безвинен! – Гвидо, вероятно, говорит правду (он не успел совершить прелюбодеяние), но Симоне не признает его безвинным, по Нагорной проповеди: «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Матфея, 5: 28).

П. Петров